

Альберто
МОРАВИА

Письмо
из
Хиросимы

АТОМНАЯ БОМБА И МЫ

Дорогой друг.

Я нахожусь в Хиросиме, и вот тебе последняя новость: я уже не Альберто Моравиа, не итальянец, не европеец, я всего лишь один из представителей вида, и к тому же вида, которому грозит, судя по всему, исчезновение в ближайшем будущем.

Эта истина стала для меня очевидной, когда я почтительно склонился для того, чтобы положить букет цветов к памятнику 200 тысячам жертв атомной бомбардировки. Монумент, воздвигнутый в память самого злосчастного дня во всей истории человечества, потряс меня. Я внезапно понял, что памятник требует, чтобы я считал себя отныне уже не гражданином определенной страны, принадлежащим к определенной культуре, а в какой-то мере представителем вида — в зоологическом, равно как и в религиозном смысле этого понятия.

Должен сказать: обнаружить внезапно, что ты прежде всего и всего лишь представитель вида, неприятно. Это ощущение забытое и стертое миллионами лет истории человечества. Это скачок назад, в доисторические времена, более того — в какую-то отдаленную геологическую эпоху. Открытие, как я уже говорил, носит чисто негативный характер: я обнаружил, что являюсь представителем вида, который близок к уничтожению. Ведь когда я, Альберто Моравиа, писатель, итальянец, европеец и т. д., думаю о смерти, я перестаю быть данной личностью и чувствую себя всего лишь представителем вида и в качестве такового бессмертным, потому что вид не умрет никогда. Вот почему люди никогда не думают о смерти и живут так, будто намерены жить вечно. Никто не мог предвидеть, что в определенный момент не та или другая нация, а целый вид может оказаться под угрозой полного уничтожения; что сама природа, на первый взгляд вечная, напротив, обречена на преждевременную гибель; в общем, что само существование человечества обречено на преждевременное, ужасное и абсурдное завершение.

Всегда бывает грустно опровергать мудрость, то есть образ мышления, который не должен знать временных границ, поскольку это конечный результат всего человеческого опыта. Но в отношении атомной бомбы мудрость не имеет смысла, если вспомнить о том, что атомная бомба предназначена как раз для уничтожения этого самого, казалось бы, бессмертного вида. Какое уж тут бессмертие! Хорошо, если мы, род человеческий, проживем еще хотя бы 20 лет — до 2000 года. А потому давайте скажем со всей серьезностью, требуемой обстоятельствами, что осознать свою принадлежность к виду — это значит впервые в истории человечества понять неизбежность своей собственной смерти и смерти других, и к тому же неминуемость этой смерти.

Не следует смешивать, как это делают обычно, гибель рода человеческого при взрыве атомной бомбы с апокалипсисом. Когда речь идет о ядерной катастрофе, неверно ссылаться на апокалипсис. В апокалипсисе все-таки есть идея бессмертия, выраженная словами: «Я есть начало и конец», потому что, если говорят «конец», предполагают, что говорящий ставит себя вне конца света, причисляет себя к вечности. Но это не так, этого не будет. В конце концов не будет ни природы, ни бога, а будет всего лишь обожженный и почерневший камень, обреченный вечно вращаться в пустоте космического пространства; мертвый и инертный камень, подобный Луне, которую мы теперь увидели. Да, камень, на котором на протяжении столетий сменяли друг друга цивилизации, культуры, народы — история их сейчас вот-вот закончится в агонии пламени, однако таким образом и по таким причинам, которые мы не можем не считать чудовищно несообразными и случайными. Когда я понял, что нам грозит ядерная смерть, я прежде, чем испытать ужас и страх, почувствовал удивление. Как, сказал я себе, столько усилий на протяжении многих тысяч лет, и вдруг мгновенная ослепительная вспышка, чудовищный грохот — и затем уже не останется ничего!

Вторая мысль об атомной бомбе была более рациональной, а именно: неужели гибель мира, то есть гибель рода человеческого в результате взрыва атомной бомбы, предусмотрена нашей так называемой историей? Иными словами, неужели сама логика истории «ведет» к атомной бомбе или же история минует ее и продолжится после бомбы, сделав саму атомную бомбу «ошибкой»?

Японцы, то есть единственный до сих пор народ, который испытал атомную смерть, настроены оптимистически. На памятнике 200 тысячам жертв атомной бомбардировки Хиросимы они написали следующие загадочные слова, которые, на первый взгляд, поразительно преуменьшают смысл того, что произошло: «Покойтесь в мире, потому что мы не повторим ошибку».

Ошибку? Какую ошибку? Безумную ошибку ученого-человеконенавистника? Или самую серьезную и фатальную ошибку — поставив под сомнение, путем применения атомной бомбы идею, совершено необходимую человечеству, о бессмертии вида? Я думаю, что речь идет о втором предположении. В самом деле, мы хорошо знаем, что авторы надписи на памятнике жертвам атомной ка-

гастрофы в Хиросиме хотели выразить одной фразой скорбь по погибшим и торжественное обязательство сохранить мир. Когда воздвигали этот памятник, мэр Хиросимы д-р Синдзо Хамаи сказал: «Сначала мы хотели написать на памятнике слова молитвы за упокой погибших. Но было трудно соединить с нею пожелание мира живым». После долгих и безуспешных попыток найти верные слова мэр обратился к профессору Тадаеси Саико, специалисту по классическим надписям. Саико подумал и затем предложил фразу, которая высечена на памятнике, объяснив ее так: «Худшим преступлением XX века была атомная бомбардировка. Но граждане Хиросимы хотят думать не о прошлом, а о будущем, стараясь сделать то, что пока еще не было сделано. Хиросима и Нагасаки имеют полное право сделать так, чтобы мы больше не повторили этого преступления». При этом слово «мы» следует понимать уже не как «мы, японцы», а как «мы, люди», «мы, род человеческий». А это, между прочим, подтверждает, видимому, идею существования «исторической» судьбы человечества — судьбы,

«Наш мир просто не может продолжать жить, развиваться и прогрессировать под угрозой ядерной гибели — и это, наверно, самый ужасный аспект атомной бомбы».

в которой бомба не является фатально неизбежной, и ее можно сбросить только «по ошибке». Таким образом, надпись на памятнике приобретает характер предостережения: учтите, первый раз это, возможно, было сделано по ошибке; но второй раз это уже будет преступлением.

Но действительно ли это была ошибка? Некоторые подробности вызывают сомнения в этом. До атомной бомбардировки американское командование перед каждой воздушной бомбардировкой предупреждало японское население с помощью листовок, которые я видел в музее Хиросимы, о том, что в ближайшем будущем предстоит воздушный налет. А вот об атомной бомбардировке не было никакого предупреждения, никаких листовок. И, может быть, небесполезно напомнить, что комитет под председательством военного министра Генри Стимсона дал такие рекомендации для так называемого «Манхэттенского проекта», то есть для сбрасывания атомной бомбы на Хиросиму: «Первое — бомба должна быть применена против Японии как можно скорее; второе — она должна быть применена против района, где должно быть большое число не только военных предприятий, но и жилых домов; третье — не должно быть никакого предупреждения о разрушительной мощи бомбы».

Конечно, даже в стремлении убить как можно больше людей кроется ошибка, та ошибка, о которой говорится в надписи на памятнике жертвам атомной бомбардировки Хиросимы. Но ведь и в поступке самоубийцы кроется такая же ошибка, то есть идея, что смерть представляет собой «выход из положения». В самом деле, «ошибка», допущенная в Хиросиме, наводит на мысль о том, что человечество в определенный момент своей истории может — под воздействием необычайной усталости — попытаться избавиться от самой истории с помощью самоубийства.

И тут ты, несомненно, спросишь меня, что можно сделать и можно ли что-нибудь сделать, чтобы предотвратить катастрофу. Такой же вопрос задал себе и я после посещения Хиросимы. С этой целью я взял интервью у нескольких представителей интеллигенции Японии — единственной до сих пор страны, которая испытала ядерную смерть. Вот одно из этих интервью. Его дал профессор Сюити Като, доцент японской истории в Софийском университете в Токио. Профессор Като родился в 1919 году, закончил медицинский факультет в 1943 году и, может быть, именно поэтому входил в состав американско-японской комиссии, которой сразу же после окончания войны было поручено изучить последствия ядерного взрыва. Но профессор Като явля-

своей известностью прежде всего и исключительно своим литературным трудом: «Форма, стиль, традиция», «Явление Японии — Китай», автобиография «Песни овец» и прежде всего «История японской литературы». Так что его мнение — это скорее мнение литератора, чем мнение ученого.

Профессор Като — человек, как принято выражаться, среднего возраста, с типичной внешностью интеллигента. Он прекрасно говорит по-французски.

Вопрос: Есть ли связь между ядерным оружием и тем, что принято называть геноцидом, то есть идеей, что можно и должно полностью уничтожить определенный народ или этническую группу, как уничтожали, например, евреев во время второй мировой войны, на основе псевдонаучных или всяких других (моральных, идеологических, религиозных и т. д.) теорий?

Ответ: Само собой разумеется. Ядерное оружие — это наиболее подходящее средство для проведения политики геноцида.

Вопрос: Если допустить на мгновение, что логика истории не предусматривает гибель мира, что нужно делать, чтобы предотвратить «ошибку», о которой говорится в надписи на памятнике жертвам атомной бомбардировки в Хиросиме?

Ответ: Необходимо осуществлять ядерное разоружение. Чтобы добиться ядерного разоружения, необходимо расширять и стимулировать антиядерные народные движения.

Вопрос: Верите ли вы в «сдерживание», то есть во взаимный страх США и СССР перед ядерными вооружениями противника?

Ответ: На вопрос о «сдерживании» президент Рейган ответил: «Нет». По существу, он ратует за ограниченную ядерную войну.

Вопрос: Считаете ли вы возможным запрещение ядерного оружия?

Ответ: Если человечество не желает погибнуть, то необходимо запретить ядерное оружие.

Вопрос: Считаете ли вы, что с атомной бомбой может произойти то, что произошло с отравляющими веществами, то есть что она не будет применена как раз из-за неконтролируемой опасности, какой она чревата?

Ответ: Нет, потому что бомба — более эффективное средство, и в то же время такое средство легче контролировать, чем газы.

Вопрос: Считаете ли вы, что традиционная война (с применением обычных вооружений, с победителями и побежденными) стала невозможной из-за возможности ядерной войны?

Ответ: Отнюдь нет. После изобретения атомной бомбы уже произошел целый ряд так называемых обычных войн.

Вопрос: Считаете ли вы, что понимание народами всего мира ядерной опасности может помешать ядерному конфликту?

Ответ: Нужно не только понимание опасности ядерной войны, но и политическое выражение антиядерных настроений с помощью массовых средств информации, петиций, манифестаций, забастовок, в общем, всех возможных средств.

Вопрос: Япония — единственная страна, которая пережила до сих пор ужасную ядерную катастрофу. Существует ли японское решение для предотвращения ядерного конфликта?

Ответ: Под нажимом народных масс японское правительство разработало антиядерную политику из трех пунктов: во-первых, не производить; во-вторых, не иметь; и, в-третьих, не ввозить ядерное оружие. Это лучше, чем ничего. Но наше правительство не может контролировать американские базы, которые существуют на японской территории. Следовательно, третий пункт не имеет серьезной гарантии.

Вопрос: Рабство, продолжавшееся тысячи лет, не исчезло само по себе. Чтобы покончить с ним, нужно было не только, чтобы мир осознал эту необходимость, но и практические меры. Считаете ли вы, что то же самое произойдет с войной, и в частности с атомной войной? Не думаете ли вы, что пацифизм должен быть более организованным, более решительным?

Ответ: Да. Пацифизм должен быть гораздо более организованным, гораздо более решительным и в то же время гораздо более широким.

Вопрос: Считаете ли вы, что ООН следовало бы укрепить, чтобы она могла действовать как в экономическом, так и в военном плане, предотвращая обычные войны, особенно в странах третьего мира?

Ответ: Да, я в этом убежден. Но сдерживающая роль ООН зависит от разрядки в отношениях между СССР и США. Следовательно, необходимо добиваться во что бы то ни стало политики разрядки.

Вопрос: Считаете ли вы, что разоружение стран, не заинтересованных в конфликте между США и СССР (то есть практически всех стран мира), могло бы помешать ядерной катастрофе?

Ответ: Это было бы нелепо, потому что есть страны, которые наверняка выступили бы либо на стороне СССР, либо на стороне США. Но расширение демилитаризованных зон способствовало бы разрядке. Это укрепило бы идеи сосуществования, компромисса и разрядки. Это не предотвратило бы катастрофу, но значительно уменьшило бы ее вероятность.

Дорогой друг, эта тема, возможно, покажется тебе сухой и скучной. Но даже короткое посещение хиросимского музея ядерных ужасов убедит тебя в том, что эта сухость скрывает чудовищную трагедию. И именно здесь заканчивается философия бомбы и начинается непонятное, непостижимое. Ниджел Кальдер, специалист по ядерному проблемам, в своей книге «Возможные войны» пишет: «Достаточно любому-либо безумцу — политическому деятелю или военному — утомиться и стать нетерпимым к миру, достаточно, чтобы какое-либо ничтожество не сумело справиться с кризисом, и цивилизация нашего земного шара немедленно погибнет».

Наш мир просто не может продолжать жить, развиваться и прогрессировать под угрозой ядерной гибели — и это, наверно, самый ужасный аспект атомной бомбы.